

— Четвертый? Четвертый? — Бай Хоуту в три шага подскочил к люльке, но ноги подкосились, и он рухнул на землю.

С легкого потряхивания до отчаянных, неверящих ударов.

— Четвертый, очнись, ну же! Если ты умрешь, как твои родители жить-то будут?

— Четвертый, проснись, ты ведь так любил кашу из толченого риса! Мы скоро ее получим, не спи...

Это был последний отросток старого рода Баев. И он тоже умер.

— Господи Небесный, умоляю, открой очи, спаси моего сына! У-у-у...

Бай Хоуту стоял на коленях, беспомощно взывая, но этот мир не давал человеку жить.

— Эй, ты будешь меняться или нет? — Слуга из семьи Ван то и дело оглядывался, голос его звучал нетерпеливо.

— Небеса ослепли. Все умерли... Ха-ха, все до единого...

— Спятил? — Слуга из семьи Ван вскинул брови. Ну и ладно, так еще и фунт зерна сэкономит.

Слуга хотел шагнуть вперед, чтобы безнаказанно забрать у Бай Хоуту Бай Цингэ.

Бай Цингэ испугалась и тут же зашлась в крике, пытаясь использовать этот последний шанс.

«Я знаю, тебе сейчас очень больно, но разве ты не посмотришь на меня? Я ведь все-таки твоя родная дочь!»

Но муж с женой были убиты горем и совершенно не обращали внимания на ее плач.

— Ну, тогда я не буду церемониться. — Слуга из семьи Ван повесил зерно на пояс, освобождая руки.

— Гоу Эрдань?

Какая собака посмела назвать его по детскому прозвищу? Неужели не знает, что он ненавидит это обращение больше всего на свете?

Гоу Эрдань вытащил из-за пояса длинный нож, собираясь проучить нахала.

Но едва он обнажил клинок, тот человек уже оказался у него за спиной. Откуда он взялся — неизвестно.

— Гоу Эрдань! Что ты творишь! — В этот раз в голосе явно звучала ярость.

Увидев лицо мужчины, напор Гоу Эрданя вмиг угас.

— Фан... Управляющий Фан? Почему вы здесь?

— Я услышал, что здесь продают зерно, вот и пришел посмотреть, не удастся ли купить. И кого же я вижу? Ты забыл мои слова? — Вокруг Управляющего Фана сгустилась тяжелая аура. Его взгляд, хоть и стариковский, был страшнее, чем у горного тигра.

Слугу бросило в дрожь, и его вывернуло наизнанку, словно горох из стручка, — он выложил все свои тайные помыслы.

— Я... я слышал, что новорожденные младенцы очень полезны для «Искусства взращивания ци», вот и пришел обменять. Вы не волнуйтесь, я использовал только свой собственный сэкономленный паек.

Управляющий Фан прищурил тигриные глаза:

— Кто тебе это сказал?

Кадык слуги дернулся, он заикаясь выдавил:

— Охранник усадьбы Фан Дуань.

Фан Дуань был племянником Управляющего Фана. В обычные дни, полагаясь на свою силу и кулаки, он постоянно ввязывался в неприятности на стороне, и кто бы мог подумать, что даже в такое время он не уgomонится.

Управляющий Фан холодно фыркнул:

— Хм!

Слуга лишь почувствовал, как сдавило грудь, а следом в рот хлынула солоноватая жидкость.

— Целыми днями не занимаешься cultivation, а думаешь только о всяких кривых путях.

— Вот вернусь — займусь им. Что до тебя — запомни: все в обозе принадлежит Господину Вану, включая твою жизнь. Если бы не это, я бы тебя сейчас же прикончил.

— Да-да-да, Управляющий Фан, я больше не посмею! Учтите, что я в первый раз, простите меня на этот раз, — слуга тут же закивал, сгибаясь в поклоне.

— Глядя на тебя, можно подумать, что это какая-то мелочь. А ты посмотри по сторонам, на эти глаза.

— Если бы зерно не появилось у них на виду, ладно. А ты посмел выставить его прямо перед ними! Они и человечину готовы жрать, что же им еще не под силу?

— Если бы я не подоспел вовремя, даже с ножом в руках ты бы здесь и остался.

Услышав эти слова, слуга поднял глаза и весь покрылся холодным потом, ноги его сами собой задрожали.

И верно: беженцы, незаметно для него, сомкнули кольцо и плотно окружили его со всех сторон.

Их налитые кровью глаза, казалось, готовы были содрать с него кожу, вырвать жилы и сожрать живьем прямо здесь и сейчас.

Слуга наконец-то понял, что такое настоящий страх. Он думал, что принадлежность к семье Ван и этот поясной нож — достаточное устрашение для этой кучки ничтожеств, которые только и умеют, что грызть кору да траву.

Теперь же он понял, что переоценил свое положение и слишком положился на клинок. Люди, доведенные голодом до отчаяния, способны на все.

Видя, что слуга перепуган до такой степени, Управляющий Фан почувствовал лишь глубокое презрение. Не будь сейчас так нужна любая рука для охраны обоза, он бы давно прикончил такого ничтожного типа, как раньше.

Опираясь на свою силу и устрашающую ауру, Управляющий Фан буквально вырвал слугу из окружения обезумевших от голода беженцев.

Рядом осталась жирная добыча, на которую хищно поглядывали, и он понимал, что это равновесие долго не продержится.

По пути обратно он для острастки прикончил еще нескольких беженцев, удерживая остальных. Обезумевшие люди проявили опаску, но была и малая часть, которая при виде крови впала в еще большее бешенство.

Как только Управляющий Фан и слуга ушли, остальные беженцы тотчас ринулись к тем нескольким трупам, которых убили в назидание.

Прошло лишь мгновение, и несколько тел были полностью разобраны.

Беженцы снова уставились на совершенно невменяемых мужа и жену, затем перевели взгляд на заходящуюся в плаче Бай Цингэ и, наконец, скользнули взглядом по уже мертвому ребенку.

Но на этот раз они не бросились вперед с той же яростью, что раньше. Среди толпы было немало тех, у кого имелись собственные семьи, и никто не осмеливался рискнуть, испытывая всеобщий гнев.

К тому же они забирали только мертвых. Ведь никто не хотел быть съеденным заживо. Это было одним из немногих негласных правил среди беженцев.

Жизнь была спасена. Пока что.

И не только удалось избежать гибели, но и услышать кое-что о cultivation.

«Искусство возвращения ци» — уже одно название звучало многообещающе.

За этот короткий промежуток она пережила взлет и бесконечное падение. Будучи новорожденным младенцем, ее душевные силы тоже были на пределе.

Когда она снова открыла глаза, то уже была на руках у своей «дешевой матери».

Что до «дешевого братца», он куда-то исчез. И, быть может, ей не показалось: тощий узелок, который должен был быть пустым и сморщенным, заметно раздулся.

«Дешевая мать» от потрясений слегка повредилась рассудком, «дешевый отец» тоже выглядел потерянным и сбитым с толку. Похоже, ее ждет тернистый путь.

Видимо, на сегодня выпало слишком много несчастий, так что следом должно было произойти что-то хорошее.

Беженцы нашли пригодный для жизни город. Ее «дешевым родителям» повезло попасть в первую партию. Что до опоздавших — этот город не мог вместить всех.

Хотя жизнь в городе все еще была нелегкой, по крайней мере, появилась крыша над головой.

Хотя есть все равно не хватало, но можно было не умирать бесславно, проглотив какую-нибудь отраву.

К слову, ее «дешевая мать» умерла, когда ей было пять лет. Из-за того, что съеденная земля не переварилась, забив кишечник, в итоге она умерла от голода.

Ребенок умер от того, что объелся земли, мать — от голода из-за той же земли. Какая горькая ирония.

Весьма показательно: едва добравшись до города и найдя работу, позволяющую хоть как-то сводить концы с концами...

В итоге все равно умереть от голода, и не только промотав все сбережения, накопленные за пять лет в городе, но и влезть в долги.

При жизни мать, хоть и тронулась умом от потрясений, но, поскольку у нее остался только один ребенок, очень его оберегала.

Как только «дешевая мать» умерла, все три года после этого отец ни разу не накормил ее досыта.

Что уж говорить о сытости — хорошо, если удавалось поесть хотя бы раз в день.

Приходилось рассчитывать только на себя, иначе она бы уже давно умерла с голоду.

<http://bllate.org/book/18858/1839487>